

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Н. И. Гаген-Торн

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ШКОЛА В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

(У ИСТОКОВ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ)

В двадцатые годы посещение лекций в Ленинградском университете было свободным; лекции особо популярных профессоров, таких как Тарле, Карсавин, посещали и студенты других факультетов. Иногда историки ходили на биологический факультет слушать проф. Ухтомского. С разных факультетов были студенты и в аудитории Л. Я. Штернберга. Я училась на экономическом отделении факультета общественных наук. Простудировав в семинаре «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, ознакомившись с Морганом, я решила, что мне надо прослушать курс введения в этнографию. Читал его на восточном факультете Л. Я. Штернберг. Найдя аудиторию, я вошла. Аудитория была полна, студенты сидели, шумно переговариваясь. Смолкли, когда на кафедру взошел профессор.

Худой, как бы обугленный внутренним горением, старик разложил кипы исписанных карточек и поднял глаза на аудиторию. Темные, горячие глаза минуту пристально смотрели на нас сквозь очки. Потом он начал говорить: «Многие совершенно не представляют себе, что без этнографии, без ее данных, классификации и обобщений, нет и не может быть науки о человечестве и его культуре в пространстве и времени. Проще говоря, невозможна ни наука, которая именуется историей, ни такая дисциплина, как социология...»¹. «Величайшая заслуга этнографии в том, именно, что она впервые установила конкретное представление о человечестве в целом. Это она, если можно так выразиться, впервые сделала переключку всех народов планеты...»². Он наклонился к своей картотеке, чтобы привести цитаты, подтверждающие его мысль. Покашливая, он перебирал листочки, а затем зачитывал их, близко поднося карточки к очкам. Он не был оратором. Слегка заикался. Слушать его было нелегко, записывать еще труднее.

Я удивилась: что привело сюда всех этих студентов? Почему они так внимательно слушали напряженную и деловитую речь Штернберга? И поняла: не академическая лекция, а дело всей жизни этого человека разворачивалось перед нами. В этнографию он вкладывал всю свою волю и страсть. Это ощущалось всеми и не могло не зажигать. Он говорил: «Мое глубокое убеждение, что этнография, как важнейшая гума-

¹ Л. Я. Штернберг, Этнография как наука и как предмет преподавания, Ленинградское отделение архива АН СССР (далее ЛО ААН), ф. 282, оп. 1, ед. хр. 15, стр. 1.

² Там же, стр. 3.

нительная дисциплина, должна получить самый широкий доступ не только на соответствующих факультетах высших учебных заведений, но, в известных пределах, и в трудовых школах»³. Непокосимость убеждения заставляла слушать.

Этнография в его понимании — это изучение творчества человека. Воспитание человека-творца необходимо начинать со школьной скамьи, с момента зарождения в подростке общественного сознания. Он доказывал это в своих лекциях преподавателям средней школы, студентам в университете, всем, кто хотел его слушать. Работая в Музее, собирая коллекции, налаживая международные связи ученых, читая лекции и доклады, он служил науке во имя правды и человечности. Науку он считал носительницей истины, ведущей к счастью людей.

«Изучая процессы творчества на самых низших стадиях культуры, этнография пришла к несомненному заключению, что процесс и интенсивность творчества, по природе своей, тождественны на всех стадиях. Различие сводится лишь к количеству накопленного опыта, в зависимости от географических и историко-социальных условий...»⁴.

«Все народы одинаково способны к творчеству культуры, и близко то время, когда человечество станет единым, не только как единый физический коллектив, но и как единый коллектив культуры»⁵, — писал он.

Ему необходимо было доказать: изучение примитивных народов открывает ценности, которые они несут в культуру человечества. «Этнография выполняет великую задачу восстановления единого человечества, которое до нее, в руках истории, ограничивалось лишь группой избранных народов, народов с историческими памятниками»⁶. Чтобы строить новый мир — надо знать прошлое, поднять огромные материалы, доказывающие единство человеческой культуры, развивающейся в многообразии явлений, в зависимости от географических и социальных условий, но идущей вперед, к единому, справедливому и счастливому человечеству. Он стремился убедить в этом своих слушателей, и нельзя было не поверить ему, так глубока была его убежденность.

Но ему мало было одной только веры, он требовал, чтобы она вела к разумно доказанному наукой благу человечества.

Перед нами был не профессор высшего учебного заведения, обучающий студентов предмету, не оратор, а проповедник истины, объясняющий законы развития культуры. «Главный урок, которому учит этнография, это то, что ни к одному воззрению в человеческом обществе не нужно относиться, как к чему-то постоянному, неизменному. Этнография заставляет относиться критически ко всем явлениям общественной жизни, заставляет видеть преемственность этих явлений и уже в силу этого этнограф является врагом всякого консерватизма»⁷. Поток мысли, захватывая слушателей.

Но прежде чем говорить о научной концепции Льва Яковлевича Штернберга, следует представить себе, как он пришел к ней.

В 1881 г. в Петербургском университете появился приехавший из Житомира еврейский юноша. Он поступил на физико-математический факультет. Юноша был горяч, талантлив, исполнен жажды деятельности, орудием которой он считал науку: он хотел превратить страну насилия и несправедливости, произвола и унижения всех народов в царство разума и справедливости. Путь к этому шел через революцию. Штернберг стал посещать революционные кружки. За «студенческие беспорядки» его выслали на родину.

³ Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 4.

⁴ Там же, стр. 5.

⁵ Там же, стр. 6.

⁶ Л. Я. Штернберг, Введение в этнографию. Предмет и содержание, ЛО ААН, ф. 282, оп. 1, ед. хр. 21, стр. 14.

⁷ Там же, стр. 33.

Через год ему удалось поступить в Одесский университет на юридический факультет, знание юриспруденции, казалось ему, давало оружие в борьбе за правду.

В Одессе восстановились связи Льва Штернберга с революционными кружками. Он стал организатором Екатеринославского съезда «Народной воли». Отдаваясь революционной работе, он в то же время продолжал усиленно заниматься наукой.

В апреле 1886 г., в разгар государственных экзаменов, его арестовали. Три года одиночного заключения в Центральной одесской тюрьме. Потом — ссылка на 10 лет на о. Сахалин. Везли через Индийский океан, этапом, в трюме корабля, вместе с уголовниками.

Наконец, корабль прибыл в пост Александровск — сахалинскую столицу. Каторга на Сахалине считалась самой тяжелой: люди были отданы на полный произвол начальства. Жестокость и тупость растаптывали людей. Штернберг пытался как-то защитить товарищей. Тогда его изолировали — в 1890 г. выслали из Александровска на уединенный кордон Виахту.

Здесь он жил в полном одиночестве. В казарме кордона, за перегородкой находились три стражника, следящих за ссыльнопоселенцами. За окнами — гористая тайга, сопки, снег. Мимо кордона идут люди из селения в селение: гиляки, тунгусы, русские поселенцы. Заходят на кордон погреться. Они — еще более подневольны и беспомощны, чем Штернберг: у него есть знания, есть воля, чтобы защитить свои права, умение бороться. Он сознательно выбрал в жизни свой путь. Лев Яковлевич не мог не встать на сторону местных жителей, не заинтересоваться их жизнью: горячий и сильный человек должен был почувствовать себя их другом и защитником.

Чтобы понять местных жителей, в частности гиляков, надо было выучить их язык, неведомый не только ему, но почти никому из европейцев. «Очень скоро мне пришлось убедиться, что без основательного знания языка подлинная жизнь заинтересовавшего меня племени и особенно психические стороны ее останутся для меня сокрытыми»⁸, — писал он. Процесс освоения не изученного никем языка оказался трудным: понадобилось самому найти ключ к структуре языка, продумать грамматические формы, передающие строй мышления этого племени.

Одиноким, заброшенный в глушь человек почувствовал себя сильным, а жизнь — полной и целеустремленной потому, что сумел насытить умственный голод. Научился обобщать в наблюдениях то, о чем читал раньше. Так, еще с юных лет он интересовался социальными вопросами, изучал книгу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». На Сахалине же, в полном отрыве от книг, он смог проверить свои мысли на впечатлениях увиденного. Он нашел в гиляцком обществе подтверждение классификационной системы родства, о которой писал Энгельс. В ссылке он написал и свою первую научную статью, посвященную формам брака и семьи у гиляков.

Во время ссылки на Дальнем Востоке Лев Яковлевич, продолжая бороться за справедливость, публиковал в местной печати статьи, в которых рассказывал о тяжелом положении населения, русского и «инородческого». Но главное, — он изучал тех, на которых до него никто не обращал внимания, считая их «дикарями».

Он самостоятельно пришел к выводу о том, что надо включить наблюдения за местными племенами в систему науки об истории человечества.

«Наука о культуре по самому существу своему — едина. Она должна охватить творчество всего человечества, во всем его объеме и во вре-

⁸ Л. Я. Штернберг, Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора, т. I, СПб, 1908, стр. VIII.

мени и в пространстве; иначе говоря, она должна охватить культуру всех народов земли, от самых ранних периодов до настоящего времени»⁹, — говорил он много позднее, читая курс лекций в университете.

Но и на начальном этапе изучения местных племен Сахалина, он думал о них, как о части человечества, усматривал в их жизни закономерность истории, пройденной всеми народами Земли. Начав с проверки схемы Энгельса, построенной для изучения человечества в целом, он от дедукции перешел к индукции.

Стремление включить увиденное в единую человеческую культуру, найти место каждому факту на пути развития человечества стало краеугольным камнем всей его научной концепции.

После окончания ссылки Л. Я. Штернберг был приглашен В. В. Радловым в Петербург в Музей этнографии Академии наук в качестве старшего этнографа. При музее Штернберг организовал курсы для учителей средней школы (1904—1914 гг.), стремясь показать необходимость знания этнографии для воспитания молодежи.

В первой лекции учителям Штернберг дал такое определение этнографии: «Это наука о человечестве, как о едином. Наука об эволюции его духовного творчества. Эта наука до сих пор игнорировалась». Он убеждал учителей: «Подумайте сами, что за преступный абсурд игнорировать в настоящее время, когда метод эволюции проникает во все науки, игнорировать этот метод только в одной области, трактующей о человеке, о человеческой культуре»¹⁰.

Слово «эволюция» он понимал в том значении, в каком его употребляют в биологии: это закономерность изменчивости явлений. Эволюция противопоставляется неподвижности, неизменности, но не исключает революционных скачков в процессе изменений. Исследовать эволюцию для Штернберга, как и для биологов, означает: искать закономерности процесса изменения. История изучает лишь «избранные исторические народы», а поэтому и не может показать нам общие закономерности развития человечества. Этнография же изучает человечество в целом, не забывая его единства. В записке о преподавании этнографии он говорит о ее задачах: «Если считать, что она должна описать группы народностей, то это еще не будет наука. Это прикладные знания, сумма описаний, ничем не связанных. Предмет науки — культура, равная сумме культурных явлений, как в естественных науках: выделяют из огромной массы разнородных фактов однородные и создают классификацию, так и тут»¹¹. Классификация явлений нужна для объяснения развития человечества. Идею его единства необходимо воспитывать в людях с детства. Этот тезис он старается доказать своим слушателям-учителям; позднее, читая университетский курс, Штернберг формулирует: «Этнография приводит нас к тому заключению, что человеческая психика в своем творчестве едина, как един ее творец — человечество в целом. Все различия в культуре — результат не психических различий, а различий в географических и исторических условиях»¹². Чтобы понять общий процесс развития, следует изучать конкретные народности. А чтобы разобраться в географических условиях, этнограф должен быть знаком с достижениями естественных наук, так как между человеком и ландшафтом, в котором он обитает, существует теснейшая связь. Ландшафт влияет на человека, на особенности его культуры, но и человек влияет на ландшафт, изменяет его. Это взаимодействие понимали все великие русские путешественники; занимаясь географическими открытиями, они не за-

⁹ Л. Я. Штернберг, Введение в этнографию, стр. 4.

¹⁰ Л. Я. Штернберг, Заметка о необходимости преподавания этнографии и антропологии, ЛО ААН, ф. 282, оп. 1, ед. хр. 46.

¹¹ Там же.

¹² Л. Я. Штернберг, Введение в этнографию, стр. 15.

бывали с человеке. В составе Географического общества имелось особое этнографическое отделение, но экспедиции Географического общества изучали географическую среду и человека в комплексе.

В первое десятилетие XX в. ученые все яснее понимали, что необходимо исследовать всю Россию, включая ее отдаленные, неизученные окраины. Однако исследователей не хватало. Прогрессивная группа ученых считала необходимым наладить географическое образование, чтобы подготовить специалистов-географов. Это были не кабинетные ученые, а путешественники, интересовавшиеся всем встречаемым на своем пути, считавшие насущным делом географии изучение земли и человека в их взаимодействии.

Ярким примером такого подхода к науке служит деятельность видных членов Географического общества П. П. Семенова-Тян-Шанского и Л. С. Берга. С самого начала своей научной деятельности Берг, кроме своей непосредственной специальности — ихтиологии, интересовался географией, включая географию человека. В 1899—1903 гг., работая в Средней Азии, Л. С. Берг общался с местным населением, изучил казахский язык. Он писал статьи в газетах, желая привлечь внимание общественности к положению населения. В своей фундаментальной работе «Аральское море» (докторской диссертации) он счел нужным осветить жизнь русского и казахского населения края. Л. С. Берг не только записывал свои полевые наблюдения о людях, но и публиковал специальные статьи по этнографии. В воспоминаниях о П. П. Семенове-Тян-Шанском Берг особо подчеркивал, как важную для путешественника черту, его умение сблизиться с населением, его гуманизм. В 1910-е годы группа ученых объединилась, добиваясь у правительства открытия высшего учебного заведения, посвященного страноведению и дающего широкое географическое образование. Л. Я. Штернберг вошел в их число.

С большим трудом этой группе ученых удалось открыть Высшие географические курсы, где было введено и преподавание этнографии. После Великой Октябрьской социалистической революции они были преобразованы в Географический институт. 8 декабря 1918 г. нарком просвещения А. В. Луначарский подписал указ об организации в Петербурге Географического института, состоящего из двух факультетов: общегеографического и этнографического. Занятия начались с осени 1919 г. Первым ректором института был И. Р. Лукашевич, ученым секретарем — Р. Ю. Гутман. С 1920 г. ректором стал академик А. Е. Ферсман, ученым секретарем — проф. А. А. Григорьев. В создании института и в его развитии принимала самое деятельное участие та же группа ученых, которая раньше добилась организации Высших географических курсов. В нее входили геологи А. Е. Ферсман, Я. С. Эдельштейн, биологи Н. М. Книпович, И. Р. Лукашевич, Л. С. Берг, этнографы Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз.

Л. Я. Штернберг, один из основателей Высших географических курсов, стал бессменным деканом этнографического факультета, на котором он сумел собрать и объединить лучшие этнографические силы. Он разработал проект программы обучения, отвечающий его взглядам на задачи этнографии. Этнограф должен быть прежде всего широко образованным человеком. Ему необходимы знания натуралиста, психолога, экономиста и лингвиста. Необходимы также и технические знания, обязательные для путешественника — умение сделать глазомерную съемку, произвести нужные измерения, вычертить карту, зарисовать и сфотографировать объект. Для усвоения всех этих навыков в программу этнографического факультета на первом курсе был включен ряд специальных предметов. Вначале первый курс был общим для географов и этнографов. С 1920 г. для этнографов была исключена из учебной программы математика, а вместо нее введены необязательные для географов психология и общая история культуры, которую читал проф. Кареев.

В архиве Л. Я. Штернберга есть следующий первоначальный набросок программы этнографического факультета¹³. Общие теоретические предметы: 1) этнография — общий обзор племен и народов земного шара, классификация этнических групп в расовом, лингвистическом и культурном отношении; 2) соматическая антропология — учение о физических особенностях; 3) палеоэтнология — учение о доисторических культурах разных народов; 4) введение в этнографию (этнологию); 5) общий курс этнографии, распадающийся на частные курсы: а) материальной культуры, б) эволюции социальной культуры, в) эволюции верований, г) первобытного искусства, д) учения о фольклорных циклах, е) истории этнографии, ж) музееведения. Альтернативный курс по истории средиземноморских народов.

Вспомогательные науки: введение в географию, экономическая география, геология, введение в биологию, топография, статистика.

Курсы по циклам (по выбору): 1) славянские народы СССР, 2) финны, 3) монгольские народы, 4) тюрки, 5) тунгусы, 6) палеоазиаты, 7) кавказские (яфетические) народы. На каждом цикле проходят соответствующий язык, историю, историю культуры, экономическую географию и политическую структуру (данной группы народов).

Студент должен получить исследовательские навыки в поле. Обязательно два летних месяца заниматься преподавательской работой у избранного народа. По возвращении с работы представлять отчет и доклад, обсуждаемый на семинаре.

В дальнейшем программа уточнялась, одни предметы заменялись другими, было распределено преподавание предметов по курсам. Мы не будем останавливаться на всех этих подробностях: первоначальный набросок достаточно ярко показывает, каких специалистов должен был готовить институт. Настоящим этнографом может стать только человек, длительное время живущий среди изучаемого им народа, говорящий на его языке, умеющий помочь этому народу. Еще студентом он должен приобрести эрудицию ученого и инициативу практического работника в области культуры. Поэтому в институте на всех курсах был введен летний триместр, посвященный полевой практике.

В налаживании практики, в организации студенческих экспедиций, направленных в отдаленные уголки страны, большая роль принадлежит В. Г. Богоразу.

Владимир Германович Богораз, бывший народоволец, как и Л. Я. Штернберг, участвовал в подготовке Екатеринославского съезда «Народной воли». Он был арестован по одному делу со Штернбергом, и после пребывания в тюрьме отправлен в ссылку на Колыму. В ссылке В. Г. Богораз начал изучать местное население, а в дальнейшем стал этнографом. В архиве В. Г. Богоразы есть очень живо и увлекательно написанная им автобиография. В ней он подробно рассказывает о своих студенческих годах, об участии в революционном движении, о жизни в коммуне ссыльных, созданной на Колыме. Им напечатаны «Колымские рассказы», посвященные этой эпохе. В автобиографии он, в частности, пишет: «Я привез (из ссылки, — Н. И. Г.-Т.) в Петербург, кроме научного, еще литературный груз: стихи, рассказы, очерки, целые романы и еще такую неугасшую жажду: Дайте додраться! Додрайтесь с начальством, разумеется»¹⁴.

Он дрался в печати: стал журналистом, ездил по России, печатался во многих газетах и журналах. Его научный труд — монография по чукчам, написанная на английском языке и состоящая из трех томов, была напечатана в Америке. Он участвовал в Тихоокеанской экспедиции вместе с американскими учеными. Стал другом американского этнографа Боаса.

¹³ ЛО ААН, ф. 282, оп. 1, ед. хр. 18.

¹⁴ В. Г. Богораз, Автобиография, ЛО ААН, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 168, стр. 13.

Лишь после революции В. Г. Богораз начал активную деятельность в русской этнографии. Л. Я. Штернберг привлек его к участию в работе Географического института. Архив В. Г. Богораза полон бумагами, отражающими его очень нелегкую в те времена научно-организационную деятельность. Тут ходатайства и требования, направленные в разное время во все возможные инстанции, от обращения к наркому просвещения А. В. Луначарскому до просьбы к бывшему дворцовому ведомству: выдать на нужды студенческих экспедиций красные фраки дворцовых ливрейных лакеев. И он был очень доволен, когда получил эти фраки. Они были розданы уезжавшим в экспедиции студентам в качестве обменного и дарственного фонда. На севере в те годы красное сукно, необходимое для отделки национальной одежды, было дефицитным товаром; нарезанный на полоски красный фрак, как и его золоченые пуговицы, представлял серьезную ценность.

В. Г. Богораз входил в аудиторию грузный, тучный, волоча за собой большой полосатый мешок вместо портфеля. Ставил мешок на пол. Плотнo усевшись на стул, начинал беседу с аудиторией. «Имейте в виду, — предупреждал он на одной из первых лекций, — этнографом сможет стать только тот, кто не боится скормить фунт крови вшам. А? Как вы смотрите на это дело? Почему скормить, спрашиваете? Потому, что узнать и изучать народ можно, только если живешь одной жизнью с этими людьми. А у них вошь довольно распространенное животное. Претендовать на удобство или даже гигиену этнограф, во время полевой работы, не имеет права».

Голубые глаза его задорно сверкали. Он вел лекцию-беседу, перемежая научные выводы рассказами, от которых аудитория раздражалась громким смехом. Владимир Германович, очень довольный впечатлением, откидывался на стуле. Иногда, достав из мешка французскую булку, тут же принимался жевать ее, не заботясь о том, какое это произведет впечатление.

Богораз любил афоризмы: на семинаре, предлагая сделать доклад, он говорил: «Не забывайте, что нельзя рассчитывать на память, она подменяет факты. Каждый факт имеет законные 25% лжи. Но старайтесь, чтобы не больше... В основе — всегда лежит истина; просто потому, что у человека не хватает фантазии все выдумать. В основе он берет правду, а дальше прибавляет. Дело этнографа суметь расслоить правду и ложь в изучаемых фактах». Не раз он отмечал: «Каждый этнограф должен быть хоть немного художником, иначе он не поймет чужую культуру».

В. Г. Богораз был подвижен и экспансивен, как в молодости. Вспоминается такой случай: несколько наших студентов-этнографов сели в трамвай у университета. Когда трамвай уже отправился, мы заметили, как из Музея антропологии и этнографии, выбежал Богораз. Он побежал за трамваем, на повороте, у Дворцового моста, нагнал его, на ходу вскочил на площадку. Увидев нас, он весело подмигнул нам и сказал: «В каюры еще гожусь». Было ему в то время порядочно — за шестьдесят.

Он проявлял неукротимую энергию не только догоняя трамвай, но и организуя экспедиции, хлопоча о снабжении факультета, об издании студенческих научных сборников. Он сохранял живую связь с северянами, входил в Комитет Севера, был организатором Института народов Севера.

* * *

Географический институт с первого года существования ставил перед собой не только учебные задачи, но также задачи просветительного характера. При институте была создана Ученая коллегия, содействовавшая его научной и просветительной деятельности. Члены ее избирались

из состава профессоров и преподавателей сроком на три года. После трех лет одна треть членов, по жребии, выбывала из членов коллегии и на их место избирались новые лица. Коллегия пользовалась правом привлекать в свой состав выдающихся деятелей науки, не работавших в институте. Членами Коллегии по должности были директор, деканы обоих факультетов и ученый секретарь института¹⁵.

Институт издавал ученые труды и информационные бюллетени, устраивал выставки студенческих работ. Во всей его деятельности студенты принимали самое активное участие: они имели своих представителей в Ученом совете, совете факультета, предметных комиссиях, участвовали в разработке планов, имели широкое самоуправление. При институте существовал Географический клуб, где выступали с докладами и профессора, и студенты. Регулярно печатались сборники студенческих статей и отчеты о студенческих экспедициях.

Студенты-этнографы уже в 1921 г. приняли участие в работах Северной научной промысловой экспедиции. Был создан Печорский этнографический отряд, в котором работали студенты. В. Я. Вецкактин, Д. Д. и Н. Д. Травины, Э. А. Дылевский¹⁶. В Обдорском отряде этой же экспедиции работал студент Г. Н. Прокофьев¹⁷.

В 1922 и 1923 гг. профессору Богоразу удалось получить денежную субсидию Наркомпроса для организации практики студентов в дальних районах Союза. Поехало около 80 человек. Впервые этнографическое обследование многих районов велось по единой программе и единым методом.

В 1925 г. Географический институт был включен в Ленинградский университет в качестве Географического факультета с двумя отделениями: общегеографическим и этнографическим. На этнографическом отделении уменьшили число вспомогательных дисциплин и ввели большую специализацию по циклам, охватывающим группы народов.

Во главе каждого цикла стали крупные ученые. Академик А. Н. Самойлович возглавлял цикл тюркоязычных народов. Циклом народов Севера занимался В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг вел общие курсы: «Введение в этнографию», «Духовная культура», «Социальный строй». Угро-финским циклом руководил проф. Д. Н. Бубрих, кавказским — проф. А. Н. Генко. Для руководства восточнославянским циклом был приглашен из Харькова проф. Д. К. Зеленин.

У этого ученого был иной метод преподавания, чем у Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораз. Нас, студентов-этнографов, привыкших на лекциях к неофициальному, дружескому общению с профессорами, поначалу удивил академический тон Зеленина. Дмитрий Константинович был корректен, подтянут и требователен. Он приучал студентов к самостоятельной работе над архивными источниками и вскоре счел необходимым перенести центр тяжести на семинарские занятия, раздав каждому самостоятельные темы. Студентам предоставлялась полная свобода для научного анализа и в то же время постоянно чувствовался внимательный, оценивающий взгляд руководителя. Основная черта Д. К. Зеленина, как ученого и преподавателя, — уважение к чужой точке зрения. Он воспитывал у студентов умение мыслить самостоятельно, предоставляя им право не соглашаться с его концепцией, отстаивать свою точку зрения. «Различные взгляды необходимы для развития науки», — постоянно подчеркивал Д. К. Зеленин.

¹⁵ «Положение об Ученой коллегии», Центральный Гос. архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР, ф. 2525, оп. 1, ед. хр. 258.

¹⁶ Коллекции по Усть-Цельме, собранные Д. Д. Травиным, были присланы в Ленинград и находятся в Музее антропологии и этнографии АН СССР и в Музее этнографии народов СССР.

¹⁷ «Бюллетень Географического института», № 5—6, сентябрь — октябрь 1921 г., Пг., 1922, стр. 6—7.

Воспитанник Юрьевского (ныне Тарту) университета, Д. К. Зеленин прошел хорошую академическую школу лингвиста, но стал этнографом очень широкого профиля, изучая на местах жизнь восточных славян во всех районах нашей страны.

Надо сказать, что всех, очень разных профессоров Географического факультета объединяли интерес к окружающей жизни, стремление найти закономерность в развитии народной культуры, сделать обобщения из наблюдений.

В юношеских дневниках Д. К. Зеленина есть интересная запись: «Мне нравится,— писал он,— в науках и где угодно — только одно жизненное. Нужно влиять своими трудами на жизнь людей, общество... еще Писарев ядовито смеялся над историками своего времени, которые изучали людей, нравы и дух времени по мертвым архивам прошлого. Отвлеченная наука всегда будет иллюзией, утопией. Главное внимание надо обратить на жизнь людей»¹⁸.

Юношеский интерес к наблюдению жизни людей превратился у взрослого, сложившегося ученого в четкий научный метод.

Во введении к своей магистерской диссертации Д. К. Зеленин писал: «Мы считаем более надежным исходить от современной картины, от той группировки населения, которая нам хорошо известна по непосредственному наблюдению; эту современную картину мы стремимся осветить историческими данными и в своих розысканиях идем от настоящего к прошлому, пытаемся, так сказать, раком в глубь истории»¹⁹.

Ретроспективным методом пользовались в своих исследованиях и Д. К. Зеленин, и Л. Я. Штернберг, и В. Г. Богораз.

Все они считали, что задача этнографа — восстановить процесс формирования культуры определенной этнической группы.

Л. Я. Штернберг стремился доказать единство человеческого мышления, несмотря на все многообразие его проявлений. «Какая идея, во все времена и в настоящий момент в особенности, более важна для общечеловеческого сознания, чем идея единого человечества, равноправия и братства народов?» — писал он²⁰.

Через сорок лет после смерти Штернберга эта мысль не только не утратила актуальности, но стала еще значительнее для целей служения человечеству и создания единой культуры Земли. Его научные исследования были направлены на обоснование этических истин, понимание которых необходимо для борьбы за свободу и равноправие всего человечества. Он считал, что исследование культуры какой-либо народности должно помочь этой культуре, этой народности включиться в единое человечество, установить свое место в ряду единого человеческого развития. Этнограф для Л. Я. Штернберга — не кабинетный ученый, а исследователь жизни, борец за лучшее будущее изучаемого народа. Очень кратко и точно отражены эти воззрения и сохранившихся в архиве шуточных заповедях этнографа. Приведем их целиком.

Десять заповедей этнографа

1. Этнография — венец всех гуманитарных наук, ибо она изучает все стороны все народы, все человечество в его прошлом и настоящем.

2. Не делай себе кумира из своего народа, своей религии, своей культуры. Знай, что все люди потенциально равны: несть ни эллина, ни иудея, ни белого, ни цветного. Кто знает один народ — не знает ни одного, кто знает одну религию, одну культуру — не знает ни одной.

¹⁸ Д. К. Зеленин, Дневники 1899, ЛО ААН, Л., ф. 849, оп. 2, ед. хр. 2.

¹⁹ Д. К. Зеленин, Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением заднеязычных согласных, СПб., 1913, стр. 4.

²⁰ Л. Я. Штернберг, Этнография и социальная этика (речь на годовом собрании Географического института), ЛОА АН, Л., ф. 282, оп. 1, ед. хр. 28.

3. Не профанируй науки, не оскверняй этнографии карьеризмом: настоящим этнографом может быть только тот, кто питает энтузиазм к науке, любовь к человечеству и к человеку.

4. Шесть дней работай, а седьмой — подводи итоги. Помни свой долг перед общественностью и наукой.

5. Почитай великих предшественников, учителей в научной и общественной жизни, дабы и тебя чтители по заслугам твоим.

6. Не убивай науки фальсификацией фактов, поверхностными, неточными наблюдениями, скороспелыми выводами.

7. Не изменяй раз избранной специальности — этнографии. Кто раз вступил на путь этнографии, не должен сойти с него.

8. Не чини плагиаты.

9. Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего, на другие народы, на их характер, обряды, обычаи, нравы и т. д. Люби ближнего больше самого себя.

10. Не навязывай насильно исследуемому народу своей культуры: подходи к нему бережно и осторожно, с любовью и вниманием, на какой бы ступени культуры он ни стоял, и он сам будет стремиться подняться до уровня высших культур²¹.

* * *

После Великой Октябрьской социалистической революции потребовались люди, знакомые с бытом народностей, населяющих Советский Союз.

Нужны были специалисты-этнографы, умеющие разобраться в сложных национальных и родовых отношениях и практически приспособленные к работе в трудных условиях. Подготовка таких специалистов стала одной из важнейших задач Отделения этнографии. В годовом отчете Географического института за 1923/24 г., так определялись требования, предъявляемые к студентам: надо, чтобы каждый оканчивающий мог стать практическим работником, обладающим достаточным умением, чтобы разбираться в определенном круге явлений²². Многие молодые этнографы, окончив институт, по призыву Комитета Севера уезжали работать в самые глухие и далекие окраины, становились преподавателями национальных школ. Теоретическая научная работа их базировалась на длительном изучении жизни народа и практической помощи ему. Приведу примеры.

Г. Н. Прокофьев с 1925 по 1928 г. заведовал школой в поселке Янов Стан у селькупов Туруханского края, изучил их язык и разработал грамматику. Е. Д. Прокофьева в эти же годы работала учительницей в той же школе.

Г. М. Василевич в 1925 г. поехала к тунгусам (эвенкам) в верховья Подкаменной Тунгуски и Нижней Тунгуски. В 1926—1927 гг. она совершила поездку по тому же району, а также по притокам Ангары. Она создала грамматику эвенкийского языка, учебники для национальных школ, обследовала почти все районы расселения эвенков. В общей сложности Г. М. Василевич провела шесть лет в экспедициях. Практическая работа сочеталась у нее с глубоким теоретическим анализом культуры эвенков, изучению которых она посвятила всю жизнь.

В. И. Цинциус и К. М. Мыльникова в 1926—1927 гг. работали у негидальцев по р. Амгуни, в 1929 г. у негидальцев и гиляков (нивхов) в устье Амгуни, они исследовали языки этих народов и их культуру. В. И. Цинциус создала грамматику изученного языка, а также написала учебник для начальной школы. Позднее она стала также лингвистом-теоретиком.

²¹ ЛО ААН, ф. 282, оп. 1, ед. хр. 125.

²² «Объяснительная записка к проекту учебного плана этнографического факультета Географического института», ЛО ААН, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 167.

Л. Д. Ришес в 1927—1928 гг. проходила практику в подотделе Райисполкома в Хабаровске, потом учительствовала в национальной школе поселка Арки около Охотска, все время работая над языком и письменностью эвенков.

А. С. Форштейн с 1926 по 1929 гг. работал на Чукотке, где занимался организацией школы. Он объехал поселки азиатских эскимосов, изучил их язык, был принят в род. В 1930—1931 гг. Форштейн жил на Шелакском мысу, 1931—1932 гг. — в низовьях Колымы. Все это время он вел как теоретическую, так и практическую просветительную работу.

К. М. Мыльникова с 1930 по 1933 г. жила на Чукотке, занимаясь этнографией и работая в национальной школе.

С. Н. Стебницкий в 1928 г. объехал почти весь корякский национальный округ и Камчатку. Целью его поездки было создание национальных школ.

Студенты географического факультета приняли участие в переписи северных окраин, проведенной в 1926—1927 гг. Эта перепись, предпринятая Центральным статистическим управлением, имела огромное значение для освоения Севера. Дальние районы Советского Союза в те годы почти еще не были обследованы. Проведение переписи на Севере требовало большой подготовительной работы. Статистические карточки обычного типа были совершенно непригодны для Севера. Статистическое Управление Дальневосточного края должно было разработать особую методику обследования и составить новые статистические карточки. О степени трудности этой предварительной работы можно судить по статье А. Батурина, в которой он пишет: «Нам неизвестны размеры территории всей окраины; так как у нас нет пока еще точной и полной съемки; мы не знаем количества населения страны, так как последняя перепись была здесь около тридцати лет тому назад. Мы не знаем о количестве скота и, в частности, неведомо нам оленеводство; мы не знаем объема современного земледелия и пр. и пр.»²³

К подготовительной работе по проведению переписи были привлечены знатоки края. В разработке переписных бланков принял участие известнейший исследователь Дальнего Востока Владимир Клавдиевич Арсеньев, один из первых учеников Л. Я. Штернберга, сохранявший с ним постоянную и тесную связь. Он написал краткую, но очень содержательную статью «Таза и удэхэ»²⁴, которая оказалась необычайно полезной при практическом обследовании населения.

Изучение края требовало переписи малых народностей Северо-Востока. Требовало серьезной и продуманной программы: необходим был анализ хозяйства, промыслов и условий жизни населения. Нужны были регистраторы, которые не побоялись бы проехать сотни километров на собаках зимой и в лодках летом, которые могли бы заслужить доверие опрашиваемых, понять быт местных жителей. Словом, нужны были исследователи-этнографы. Целая группа студентов, окончивших географический факультет отправилась на Дальний Восток, чтобы принять участие в организационной работе и в переписи 1926 г. Они взяли на себя весь Камчатский полуостров.

К. И. Бауэрман выехал на собаках из Гижиги 25 октября 1926 г. По берегу Пенжинской губы, с целью объезда кочевого населения Пенжинского района. Ехать пришлось без дорог, задерживаясь в пути из-за метелей. Он работал до 27 июня 1927 г., проехав во время обследования 3600 км.

Е. П. Орлова обследовала южную часть Тигильского и северную часть Большерецкого районов. Она начала свой путь верхом на лошади от се-

²³ А. Б а т у р и н, К переписи на Камчатке, «Дальневосточное Статистическое управление. Статистический бюллетень», 1926, № 1, стр. 12.

²⁴ Там же, стр. 20—26.

ления Тигиль в сентябре 1926 г. Когда установился санный путь, Орлова использовала в качестве транспорта собачьи упряжки. Проведя перепись ительменских селений, она закончила работу в апреле 1927 г. Общий путь ее составил 2800 км.

К. Н. Шавров поехал в северную часть Камчатского полуострова с целью обследования ительменов и кочевых коряков. Он выехал в октябре верхом на лошади, а зимой продолжил путь на собаках. Всего он проехал 3500 км.

Ф. М. Физик начал обследование с бухты Корфа в сентябре 1926 г. и работал до апреля 1927 г., покрыв расстояние около 3500 км. Наибольшие трудности представляло обследование кочевых чукчей Пахачинского района²⁵. Печатая итоги переписи, Статистический отдел Дальневосточного края указывал на труднодоступность районов и необходимость специальной подготовки регистраторов. Во время этой практической работы молодые исследователи изучали язык и быт исследуемых народов.

В эти же годы на Дальнем Востоке, кроме участников переписи, работали ленинградские этнографы Ю. А. Крейнович и П. Молл. Крейнович выехал на Сахалин в мае 1926 г. и пробыл там до августа 1928 г., работая инструктором в секретариате Сахалинского Окр. Ревкома, а потом учителем в национальной школе. Одновременно он вел этнографическое обследование гиляков Охотского побережья Сахалина, проходя по тем же местам, где в 1890—1892 гг. начал свою работу его учитель Л. Я. Штернберг.

В результате работы молодых этнографов пополнились коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР. Были изданы сборники студенческих работ под редакцией Л. Я. Штернберга («Материалы по семейному строю народов СССР», Л., 1926 г., вып. 1) и В. Г. Богораза («Старый и новый быт», «Обновленная деревня», «Комсомол в деревне»).

Сочетание практической работы и теоретических исследований было основным тезисом школы Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза. Шутливые «десять заповедей этнографа» выражали, в сущности, глубокое credo ленинградской этнографической школы: неотделимость теоретических изысканий науки от их общественного значения.

²⁵ Маршруты всех этих регистраторов подробно описаны в работе: «Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926/27 г.)», Благовещенск, 1929, стр. XVI--XX.